

Храм Богини Милосердия располагался в оживленном районе порта Сесилия, поблизости от моря. Поскольку это была церковь в крупном городе, в ней на постоянной основе служил священнослужитель в ранге епископа.

Пообедав в ресторане, Росен вместе с родителями прогуливался по деревянному настилу набережной. Под ногами скрипели доски, а прямо под ними плескались приливные волны.

— Свежие кокосы! Два кокоса за одну медную монету!

Худой старик с одним выбитым глазом стоял возле тележки с зелеными кокосами и зазывал прохожих.

— Босс, дайте четыре кокоса.

Мелин с улыбкой протянул ему две медные монеты.

— Сию минуту!

После этого он протянул четыре кокоса, закрепленных в оплетке из соломенной веревки.

— Мама, а это вкусно? — с любопытством спросила Элис, глядя, как Мелин держит все четыре кокоса в одной руке.

— Очень вкусно. Сейчас папа тебе кое-что покажет.

— Э? Покажет?

Элис озадаченно моргнула.

В этот момент Мелин вышел на свободную площадку, подбросил кокосы в воздух и выхватил железный меч, рассекая пространство.

В мгновение ока волокнистая кожура разлетелась на мелкие кусочки, а Мелин на лету уверенно поймал на клинок четыре совершенно чистых белых ореха.

— Ого! — Элис восторженно приоткрыла ротик.

Оделия собрала обрезки кожуры, выбросила их в урну, а затем с помощью магии создала длинный и тонкий кухонный ледяной нож и передала его Мелину.

Вскоре все четверо сидели на скамейках у белокаменистого морского берега, пили кокосовое молоко через ледяные трубочки и любовались морем.

У причала стояли парусники самых разных размеров, а вдалеке виднелось несколько небольших рыболовецких суденышек, возвращавшихся с только что пойманной рыбой.

Чайки с белоснежными крыльями и черными кончиками перьев ненадолго задерживались на мачтах кораблей, а затем снова взмывали ввысь, наполняя воздух звонкими криками.

Несколько загорелых до темно-коричневого цвета портовых грузчиков тащили тяжелые деревянные ящики, поднимаясь и опускаясь по шатким сходням из соединенных досок.

Капли пота струились по их блестящим от загара лбам, а затем сливались с морем.

Немного отдохнув, семья Мелина направилась к белоснежной церкви Богини.

Снаружи храм выглядел гладким и лаконичным, высокий белый шпиль устремлялся прямо в синеву неба, несколько больших окон с синими стеклами служили для освещения, а арочные коричневые двери были распахнуты настежь.

Внутри церковь оказалась просторной и светлой. Здесь не было изысканных барельефов, парящих фресок или вычурных украшений — на гладком полу из белого мрамора стояло лишь несколько рядов деревянных скамей да статуя Богини.

Прямо над статуей располагался круглый световой люк, сквозь который полуденный свет падал конусом, полностью окутывая изваяние лучами солнца.

Истинному божеству не нужны украшения, чтобы подчеркнуть его величие.

Росену вновь показалось, будто он попал в чисто-белый мир, и он замер, зачарованно глядя на статую Богини.

Передние скамьи были полностью заполнены молящимися людьми, и чета Мелина, взяв за руки Росена и Элис, устроилась на задних рядах.

В этот момент мужчина в белой мантии вышел на возвышение перед прихожанами, закрыл глаза, сложил ладони вместе и затянул песнопение.

Люди, включая родителей Росена, тоже закрыли глаза, слегка опустили головы и прислушались к его глубокому голосу.

Священнослужитель применял заклинание — Успокоение Сердца, одно из божественных чудес, способное исцелять и упокоивать людские души.

Условия использования магии Богини были одновременно простыми и суровыми: магический дар не требовался, но сердце человека должно быть чистым, а помыслы — добрыми.

При этом чем искреннее был человек, тем сильнее оказывался эффект заклинания.

Слушая священную молитву, люди постепенно разглаживали брови, их сердца успокаивались, а на душу словно снисходило великое утешение.

Однако Росен не чувствовал абсолютно ничего — он все так же пристально смотрел на статую Богини.

В отличие от истинной Богини из чисто-белого мира, изваяние в порту Сесилия больше напоминало обычную жительницу Азении.

Неужели в каждой стране существовало собственное «локализованное» изображение Богини?

Глядя на заметно округлое лицо статуи, Росен задумчиво потрогал подбородок.

В этот момент сидевшая рядом Элис легонько потянула его за палец, и только тогда Росен заметил, что выражение ее лица выглядит странновато.

— Что такое?

Росен наклонился к самому уху сестры, говоря очень тихо.

— ...Я хочу в туалет.

Элис немного помялась и смущенно прошептала.

Наверное, выпила слишком много кокосового сока, который они только что купили по дороге...

Росен бросил взгляд на сидевших на скамье родителей с закрытыми глазами и решил сам отвести Элис в уборную.

Оба ребенка тихонько соскользнули с деревянной скамьи и вполголоса спросили дорогу у стоявшей неподалеку молодой женщины-священнослужительницы.

Та с улыбкой взяла Элис за руку и повела вглубь церкви. Росену было немного тревожно отпускать ее одну, поэтому он пошел следом.

Туалет находился за приоткрытой деревянной дверью рядом со статуей Богини. Женщина-священнослужитель мягко толкнула дверь, и все трое вошли внутрь.

— Я подожду тебя снаружи.

— Угу.

Росен достал из кармана несколько чистых бумажных салфеток и протянул сестре, проводя ее взглядом до двери кабинки.

Священнослужительница же тихонько стояла рядом с Росеном.

Помещение в задней части церкви напоминало библиотеку: с потолка свисали Магические светильники, высокие черно-коричневые книжные полки ломились от плотно расставленных фолиантов, а рядом стояли приставные лестницы, чтобы доставать книги с верхних ярусов.

В этот момент Росен заметил на стене масляную картину.

На фоне причудливого фиолетово-черного расколотого неба святая Богиня Милосердия сходила в мир смертных сквозь белую трещину.

— Это сцена явления нашей Госпожи в Шэнланьту. Говорят, ее написал художник, живший тогда в том самом городе, — с улыбкой пояснила женщина в белой мантии, заметив, что Росен неотрывно смотрит на полотно.

— Мама рассказывала об этой истории, но говорила, что Казимир и Богиня потом куда-то исчезли, — произнес мальчик.

— Да. «Смерть» Казимир вернулся на Западный Континент, Госпожа вернулась в Мир Богов, а Шэнланьту исчез.

Внезапно зрачки Росена сузились, и его темно-синие глаза впились в картину с абсолютным неверием.

Богиня с холста шагнула вперед, оказавшись прямо перед ним.

— Росен, поцелуй Элис.

Богиня Милосердия одарила его теплой улыбкой, легко коснулась пальцем его груди, а затем растаяла, словно рассеявшаяся дымка.

Росен почувствовал странное покалывание в правом запястье. Подняв руку, он увидел, как фиолетовая точка стремительно расплывается под кожей сложным узором.

— Братик~ — послушная Элис выпорхнула из туалета и, подбежав к застывшему Росену, крепко обняла его за талию.

— Руки помыла? — Росен опомнился и ласково погладил ее по макушке.

— Помыла!

Женщина-священнослужитель с умилением смотрела на привязанных друг к другу брата и сестру, ее губы тронула нежная улыбка.

Затем все трое вернулись в главный зал церкви.

Молитва как раз подошла к концу, и Мелин с Оделией ожидали их у окна.

Будучи Высшим Магом, Оделия обладала способом определять местонахождение своих детей, поэтому, заметив их уход вглубь храма, она ни капли не встревожилась.

Стоило Росену и Элис выйти из боковой двери, как Оделия изящно помахала им рукой.

— Спасибо, старшая сестрица! — поблагодарили они монахиню и быстрым шагом направились к родителям.

Мелин кивком поблагодарил священнослужительницу, после чего вся семья покинула церковь.

Уже переступая порог храма, Росен бросил прощальный взгляд на озаренную солнцем статую Богини. На его правом запястье теперь красовался сложный узор, напоминавший обвивающий руку фиолетовый терновый венец.

В 1109 году по Священному летоисчислению, в стенах церкви порта Сесилия, пробудился Росен.